

12+

ЗАГАДКИ В ГЛУБИНЕ ЗЕРКАЛ: СИМФОНΙΑ ТАЙНЫ

ГЕГАМ АСЛАНЯН

Гегам Асланян

**Загадки в глубине
зеркал: Симфония тайны**

«Издательские решения»

Асланян Г. Г.

Загадки в глубине зеркал: Симфония тайны / Г. Г. Асланян —
«Издательские решения»,

В самом сердце обычной комнаты стоит зеркало, но это не простое зеркало, а ворота в мир, где каждый поворот лабиринта хранитв себе тайну, а каждое отражение — глубокий смысл. Мария, молодая и отважная героиня, случайно пересекает границу своего мираи оказывается в загадочном царстве за зеркалом, где встречает друзей, таких же искателей приключений и ответов на вопросы, скрытые в глубине их душ.

© Асланян Г. Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Эхо прошлого	6
Глава 2. В тени лабиринта	8
Глава 3. Оракул судеб	11
Глава 4. Зеркало выборов	13
Глава 5. Переплетение судеб	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Загадки в глубине зеркал: Симфония тайны

Гегам Грайрович Асланян

© Гегам Грайрович Асланян, 2026

ISBN 978-5-0070-4556-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эхо прошлого

Когда первые лучи солнца едва окрасили в розовый цвет самые высокие шпили старинного города, Мария открыла глаза.

Её разбудил не свет.

Звук.

Тихий, настойчивый шелест переворачиваемых страниц. Тот самый, что преследовал её в кошмарах последние дни. Только сейчас шелест звучал не в ушах — в комнате. Будто невидимый читатель сидел в углу и листал книгу, которую Мария боялась открыть.

Она села на кровати, прислушалась. Тишина. Только птицы за окном да далекий гул просыпающегося города.

Шелест повторился.

Мария сбросила одеяло. Внутри что-то щёлкнуло — замок, давно ждавший своего ключа.

Она подошла к тяжёлому дубовому столу. Там, как реликвия, лежала книга в обложке из потёртой кожи. Потускневшее, но всё ещё читаемое золотое тиснение — наследство прабабушки.

Раньше Мария лишь проводила пальцами по корешку, не решаясь открыть. Боялась. Чего — сама не могла объяснить. Будто за обложкой таилось нечто, что перевернёт жизнь, а она к этому не готова.

Сегодня страх исчез.

Растворился в утренней тишине, уступив место единственному, непреодолимому желанию: взять. Открыть. Прочесть.

Она протянула руку. Кожа обложки под пальцами оказалась тёплой, хотя книга пролежала на холодном столе всю ночь. Мария провела ладонью — и тепло отозвалось где-то в груди, будто книга и сердце настроились на одну волну.

Она открыла.

Страницы заговорили.

Не шёпотом — ясными, но чужими голосами. Они рассказывали истории, которые казались обрывками её собственных забытых снов, открывали миры, в которых она внезапно узнавала запахи, голоса, чувства. Вот комната, где пахнет яблоками и корицей — так пахло в доме бабушки. Вот сад, где она никогда не была, но знает каждую тропинку. Вот лицо — незнакомое, но до слёз родное.

Мария перевернула страницу — и голоса стихли.

На странице было пусто. Только в центре — едва заметное свечение, будто кто-то провёл по бумаге невидимыми чернилами.

Она поднесла книгу ближе к свету. И в этот момент взгляд упал на маленькое овальное зеркало в серебряной оправе. Оно лежало рядом с книгой, будто вторая её половина.

Прабабушка завещала их вместе. И называла зеркало — окном для души.

Мария всегда чувствовала его странную, тягучую энергию, но не придавала значения. Безделушка. Красивая, старинная, но всего лишь безделушка.

Сейчас, с книгой в руках, она вдруг поняла: зеркало — не просто отражатель.

Она взяла его. Холодное, как лёд. Серебро обжигало пальцы, хотя в комнате было тепло.

Мария подняла зеркало, посмотрела вглубь.

Собственное отражение задрожало. Поплыло, как картинка в воде, в которую бросили камень. Черты расплзлись, смешались — и начали складываться заново, в другое лицо, в другой пейзаж.

Лунная ночь. Запущенный, но прекрасный сад. Вдали — особняк с освещённым окном.

В том окне стояла женщина.

Платье позапрошлого века. Лицо, которое могло бы быть портретом самой Марии. Та же линия скул, тот же разрез глаз, только взгляд старше, мудрее, печальнее.

Женщина смотрела прямо на неё. Сквозь время. Сквозь стекло. Сквозь границу миров. И беззвучные слова отозвались в груди Марии:

— Войди. Твоё время пришло.

Мария замерла. Внутри всё кричало: это невозможно, этого не может быть, это сон, мираж, галлюцинация.

Но пальцы всё ещё сжимали холодное серебро. Книга под локтем была тёплой и живой. И голос, прозвучавший в груди, не был чужим — он был её собственным, только глубже, древнее, будто та часть души, которая молчала всю жизнь, наконец заговорила.

Мария закрыла глаза.

Вдохнула запах старой бумаги и воска.

Шагнула вперёд — навстречу отражению.

Холод пронзил кожу. В ушах зазвенела тишина — такая плотная, что, казалось, её можно потрогать. А затем лицо коснулся ветер. Прохладный, влажный, пахнувший ночным жасмином и сырой землёй.

Мария открыла глаза.

Она стояла босыми ногами в траве посреди того самого сада. Звёзды сверкали над головой непривычно ярко — крупные, близкие, будто до них можно дотянуться рукой. Лунная дорожка вела к дому, и в каждом её серебряном блике угадывалось приглашение.

Голос, звучавший теперь не вовне, а в самой глубине души, был твёрд: ответы, которые она найдёт, изменят всё.

Мария сделала первый шаг.

Трава под ногами была мокрой от росы, и каждый шаг отзывался тихим, влажным звуком, который в ночной тишине казался почти неприличным. Но сад не возражал. Сад дышал ровно и глубоко, будто огромный зверь, притворяющийся спящим.

Глава 2. В тени лабиринта

Сад дышал. Не просто шелестел листвою — именно дышал, ровно и глубоко, будто огромный зверь, притворяющийся спящим, но зорко следящим за каждым движением гостыи.

Мария шла по лунной дорожке, и трава под ногами менялась: от мягкой, шелковистой у края сада до жёсткой, колючей ближе к дому. Будто сама земля проверяла — насколько ей нужна эта гостыя, стоит ли ради неё просыпаться по-настоящему.

Дверь в старый дом была приоткрыта.

Не скрипнула, не сопротивлялась, когда Мария толкнула её — будто здесь только и ждали, когда кто-то войдёт именно в этот час, именно с этой решимостью в глазах.

Внутри царила не мёртвая — насыщенная тишина. Воздух казался густым от невысказанных слов, от вопросов, которые задавали здесь столетиями и на которые никто не ответил. Пылинки танцевали в лунном свете, пробивающемся сквозь высокие окна, и в их медленном вальсе чувствовалась такая древняя грация, что Мария замерла на пороге, боясь нарушить.

Холл заполняли тени и воспоминания в тяжёлых рамах. Портреты. Много портретов. Люди в одеждах разных эпох смотрели со стен, и их взгляды — Мария готова была поклясться — провожали её, куда бы она ни шагнула.

В центре холла, на невысоком пьедестале из тёмного мрамора с прожилками, похожими на застывшие молнии, стоял старинный компас.

Не тот, что показывают в музеях — маленький, медный, удобный для моряков. Этот был огромным, размером с колесо телеги, и сделан из металла, который Мария не могла опознать. Он не блеснул — светился матово, глубоко, будто впитал в себя свет всех звёзд, что когда-либо горели над этим домом.

Стрелка компаса не просто указывала направление.

Она металась.

Рвано, хаотично, будто искала не север, а что-то невидимое, спрятанное прямо здесь, в этой комнате. Будто пыталась вырваться из невидимой клетки и никак не могла найти выход.

Мария протянула руку.

Пальцы коснулись холодного металла — и стрелка замерла.

Мгновение полной неподвижности — а затем она резко развернулась, указав не на дверь, не на окно, не на лестницу, ведущую вверх. А прямо в грудь Марии. Туда, где под рёбрами глухо, ровно стучало сердце.

Компас врал всем законам физики, которые Мария знала. Но не врал чему-то другому.

Она проследила за направлением стрелки. Та указывала на одну из тёмных дверей в дальнем конце холла — самую неприметную, какую она даже не заметила бы, если бы не этот безмолвный приказ.

Мария подошла к двери. Та была старой, обитой почерневшей кожей, с ручкой в виде львиной головы — стёртой настолько, что черт не разобрать. Она толкнула.

Дверь вела не в комнату.

За ней начинался лабиринт.

Стены его были сложены не из камня — из снов и страхов. Мария поняла это сразу, едва ступила внутрь. Воздух здесь был другим — не спёртым, а плотным, будто каждый вздох приходилось продирать сквозь невидимую завесу.

Стены украшала мозаика. Тысячи мелких кусочков смальты складывались в картины — но вместо лиц предков, которых Мария ожидала увидеть, мозаика являла смутные черты её собственных эмоций.

Вот здесь — обида. Маленькая, колючая, та, что она носила в себе с детства, с того самого дня в школе, когда подружка предала её при всех. Мария узнала этот оттенок синего — именно такого цвета становилось у неё на душе, когда она вспоминала.

Дальше — страх. Спрятан так глубоко, что она почти забыла о нём. Тот самый, детский, тёмный, от которого просыпаешься среди ночи и не можешь пошевелиться. Мозаика изобразила его серо-зелёным, тягучим, как болотная жижа.

Ещё дальше — надежда. Почти стёршаяся от неиспользования. Золотая крошка, которой осталось так мало, что мозаика в этом месте казалась дырявой.

Мария шагнула в первый коридор.

Он упёрся в стену через двадцать шагов.

Тупик. Глухой, без единой щели.

Мария растерянно оглянулась. Путь назад тоже исчез — коридор замкнулся, оставив её в каменном мешке. И вдруг она поняла: прохода нет, потому что вопрос не задан. Стена ждала.

— Чего я боюсь? — спросила Мария вслух.

Голос прозвучал глухо, будто стены впитали звук, не дав ему отразиться.

Но стена дрогнула.

В ней проявилась трещина — узкая, едва заметная, но достаточная, чтобы в неё протиснуться. Мария шагнула, обдирая плечи о шершавый камень, и коридор расширился, впуская.

Дальше — больше.

Каждый поворот заставлял вспоминать. Не насильно — просто вопросы возникали сами собой, рождаясь из узоров на стенах, из эха шагов, из самого воздуха.

Тот раз, когда она стерпела обиду, промолчала, проглотила — и проход сузился так, что пришлось идти боком, почти ползком, задыхаясь от тесноты.

Тот, когда нашла в себе силы сказать «нет» человеку, который давил на неё годами — и стены расступились, выпуская на простор, где можно было дышать полной грудью.

Тот, когда простила себя за ошибку, которую не могла простить десять лет — и коридор залило светом, хотя ламп здесь не было.

Лабиринт реагировал не на ум, не на логику, не на догадки. Только на искренность.

В самом сердце лабиринта Марию ждала круглая комната.

Идеально круглая, будто вычерченная циркулем. Ни углов, ни теней — ровный, мягкий свет сочился отовсюду и ниоткуда одновременно.

В центре — алтарь. Простой каменный куб без единого украшения.

На нём лежала книга.

Та самая, с золотым тиснением. Та, что осталась в её комнате, в другом мире. Но вот же она — здесь, ждёт, открытая на середине.

Мария подошла. Страницы были ослепительно белы, будто никогда не знали чернил.

Она прикоснулась к пергаменту.

Под пальцами, словно проявляясь на старой фотографии, начали возникать строки. Медленно, буква за буквой, будто кто-то невидимый водил пером.

Но это были не ответы.

Вопросы.

— Что ты больше всего ценишь в своём сердце?

— Какой страх ты прячешь глубже всего?

— Ради чего ты готова сделать трудный выбор?

Мария застыла, не убирая руки со страницы.

Она ждала манускрипт с тайнами рода. Древние пророчества. Имена прабабушек и прадедушек. Карту сокровищ или заклинание, открывающее порталы.

А получила дневник для самоисследования.

И тогда внутри что-то щёлкнуло.

Уже не замок — скорее, задвижка, которую она сама когда-то заперла и потеряла ключ. Щёлкнуло — и открылось.

Вся комната, весь лабиринт, все вопросы на стенах — не про прабабушку. Они — про неё. Книга пуста, потому что её историю ещё предстоит написать. Ответы, которые она ищет, не выцарапаны в старом фолианте. Они живут в её памяти, в её выборах, в её страхах и мечтах.

Мария закрыла книгу.

Вышла из комнаты.

Лабиринт расступался перед ней теперь легко, будто признал: своя.

Она чувствовала себя изменённой. Не потому, что узнала что-то новое. А потому, что вспомнила старое — то, что всегда знала, но боялась признать.

Глава 3. Оракул судеб

Дальше лабиринт повёл иначе.

Головоломки стали тоньше. Они не требовали разгадки в привычном смысле — требовали честного признания самой себе.

— Что ты простила, но не забыла? — шептал один поворот, и стены вокруг окрашивались в цвет старой меди.

Мария останавливалась. Вспоминала. Признавалась — сначала себе, потом, шёпотом, вслух:

— Подругу. Которая ушла, когда мне было больно. Я её простила. Но осторожность рядом с новыми людьми — это она. До сих пор.

Коридор открывал проход.

— Где ты солгала не другим, а себе? — спрашивал следующий, и воздух становился тягучим, как патока.

Мария молчала долго. Потом сказала:

— Когда убеждала себя, что меня устраивает работа, которую я ненавижу. Что это нормально — терпеть. Что все так живут.

Стены расступались.

Она не искала ответы. Она училась признавать, что вопросы существуют.

Последняя дверь привела не к выходу — в небольшую комнату, странную смесь кабинета учёного и кельи отшельника. Книжные шкафы до потолка, заставленные фолиантами на незнакомых языках. Стол, заваленный свитками. В углу — узкая кровать, на которой, судя по продавленной подушке, кто-то спал совсем недавно.

В центре, на отдельном столе из тёмного дерева, стоял предмет.

Он напоминал морской компас, но древнее и мудрее. Вместо привычной розы ветров вокруг стеклянного купола располагались символы — не руны, а образы. Мария насчитала их двенадцать: резной цветок, раскрытая ладонь, сломанная колонна, феникс, взлетающий из пепла, глаз в треугольнике, волна, накрывающая скалу, и другие, значения которых она не понимала.

Стрелка была сделана не из металла — из прозрачного кристалла. Она светила изнутри мягким, тёплым светом, и этот свет пульсировал, будто дышал.

Мария протянула руку, не касаясь.

Стрелка дрогнула.

Компас работал не от прикосновения. Он отзывался на беззвучный вопрос, который Мария даже не успела сформулировать до конца.

Куда идти дальше?

Стрелка, пропуская через себя её сомнение — Мария видела, как внутри кристалла закрутился лёгкий туман, — описала плавный круг и остановилась на фениксе.

Обновление.

Внутри отозвалось эхом. Да, каждый новый выбор сжигает старую версию тебя. Пепел удобряет почву для новой. Это и есть путь. Не прямая линия — цепочка смертей и рождений.

Она задавала вопросы — молча, глядя на стрелку. И стрелка указывала на символы, заставляя не получать ответы, а формулировать их самой.

Спросив о страхе, получила «Потерю» — и вдруг увидела: боится она не действия, не боли, не неизвестности. Боится пустоты после. Того, что останется, когда всё закончится, и этой пустоты нечем будет заполнить.

Спросив о любви, получила «Чашу» — и поняла: любовь не льётся бесконечно, если её не наполнять. Она не источник — она сосуд. Её нужно пополнять. Изнутри.

Это был не оракул, предсказывающий будущее.

Механизм, помогающий услышать собственное сердце.

Когда внутренний диалог стих, когда вопросы кончились и Мария просто стояла, глядя на стрелку, которая теперь мерцала ровно, без метаний, комната начала терять чёткость.

Будто её существование было нужно лишь для этой встречи.

Мария вышла в зал, откуда пришла. Но зал изменился — или изменилась она. Воздух здесь больше не казался густым от тайн. Он был просто воздухом. Лунный свет лился в окна, и пыль танцевала в нём, как танцевала всегда.

Стрелка внутри, та, что не на компасе, а в груди, теперь вибрировала иначе. Тоньше. Чище.

Глава 4. Зеркало выборов

Перед ней было четыре коридора.

Они расходились в разные стороны, веером, и над каждым витал свой особенный свет. Не лампы, не факелы, не светильники — сам воздух светился разным цветом.

Левый — тёплым розовым, как заря, как щека после поцелуя, как сердце, когда оно открыто.

Следующий — глубоким синим, цвета ночного неба в безлунье, цвета чернил, которыми писали мудрецы.

Третий — тревожным серым, цвета грозового неба, цвета камня, цвета того, что прячут в подвалах.

Правый — ярко-золотым, искристым, как шампанское, как утренний свет в листве, как обещание праздника.

Голос не прозвучал — возник прямо в сознании. Без звука, без интонации, просто смысл:

— Ты подошла к месту, где путь делится. Выбор — не между хорошим и плохим. Выбор — между разными гранями себя. Каждая дверь ведёт к глубокому открытию. Какая часть души ждёт тебя первой?

Мария всмотрелась в цвета. Попыталась понять, какой из них отзывается сильнее.

Розовый манил теплом, обещанием принятия, отдыха, прощения. Синий мерцал ровно, без спешки, без заигрываний — просто ждал. Серый пугал — но не отталкивал, будто знал: то, что боишься больше всего, часто оказывается самым важным. Золотой искрился, обещая карты возможного будущего, чертежи того, что ещё можно построить.

Мария стояла долго.

Слишком долго, чтобы это было просто решение. Она чувствовала, что выбирает не направление — выбирает себя. Ту версию себя, которая пойдёт по этому пути. Другие останутся здесь, нереализованные, непрожитые.

— Я выбираю Мудрость, — сказала она.

Не потому, что это правильно. Потому что внутри отозвалось.

Синий свет вспыхнул ярче, на миг затмив остальные, и коридор втянул её, как дыхание.

Он привёл не в библиотеку.

В живой архив души её рода.

Мария оказалась в огромном зале, уходящем в бесконечность. Вдоль стен тянулись стеллажи — но не с книгами. С переплётами. Тысячи, миллионы переплётов, каждый размером с ладонь, и в каждом — не чернила, не бумага. Эхо пережитых жизней.

Мария медленно пошла вдоль стеллажей, проводя пальцами по корешкам. От каждого исходила своя вибрация: тепло, холод, лёгкость, тяжесть. Одни переплёты светились ровно, другие мерцали, третьи казались почти погасшими.

Один из них откликнулся на её прикосновение особенно ярко — вспыхнул тёплым золотом, и Мария поняла: этот ждал именно её.

Она открыла его.

Дневник. Старый, пожелтевший, написанный изящным почерком с завитушками. Прапрадед. Философ, как значилось на первой странице.

Она читала, и строки ложились в душу с пугающей точностью:

«Я искал истину сорок лет. Перерыл горы книг, исписал тысячи страниц, спорил с мудрецами и глупцами. И нашёл её только тогда, когда перестал искать. Она была во мне всё это время. Просто молчала, дожидаясь, пока я научусь слушать тишину.

Мудрость — не в знании ответов. Мудрость — в искусстве жить с вопросами. Не убегать от них, не замазывать их готовыми формулами, а носить в себе, как носят в кармане тёплый камень. Греть. Слушать. Ждать, когда вопрос сам перерастёт в ответ».

Мария закрыла дневник.

Внутри разливалось странное, тёплое чувство — не ответ, но согласие с вопросом.

— С какими вопросами я научилась жить? — спросила она себя. — А какие до сих пор жгут изнутри?

Она не знала ответов. Но знала теперь, где их искать.

Глава 5. Переплетение судеб

Из коридора Мудрости Мария вышла в зал, которого раньше не видела.

Огромный, круглый, с куполом, уходящим в бесконечность. Воздух здесь пах не пылью, не временем, не книжной плесенью — вечностью. Тем особенным запахом, который бывает только в местах, где не властны часы и календари.

В центре, на постаменте из чёрного мрамора, медленно вращался огромный глобус.

Не географический — исторический.

Его поверхность была испещрена не названиями стран и городов, а вспышками-воспоминаниями. Тысячи, миллионы крошечных огоньков, каждый — чья-то жизнь, чей-то выбор, чей-то миг, изменивший всё.

Мария подошла ближе. Глобус вращался бесшумно, но при её приближении замедлился, будто почувствовал зрителя.

Один из огоньков вспыхнул ярче других, отделился от поверхности и развернулся в пространстве, становясь объёмным изображением.

Мария увидела женщину.

Она стояла перед советом старейшин — суровых мужчин в тяжёлых одеждах, с лицами, высеченными из камня. Женщину трясло от страха — Мария видела, как дрожат её руки, как пульсирует жилка на виске. Но голос звучал твёрдо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.